

Галина
Зеленина

СТРАДАЮЩЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗГОИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

«Черные мифы» и реальность

История и наука Рунета. Страдающее Средневековье

Галина Зеленина

**Изгои Средневековья.
«Черные мифы» и реальность**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 94(100)"4/14"

ББК 63.3(0)4

Зеленина Г.

Изгои Средневековья. «Черные мифы» и реальность /

Г. Зеленина — «Издательство АСТ», 2021 — (История и наука
Рунета. Страдающее Средневековье)

ISBN 978-5-17-134047-6

Закрытая община иноверцев, много столетий жившая в фанатичной христианской Европе. Алчные ростовщики и вероломные предатели – и поджидающие их за стенами квартала изощренные наветы и кровавые погромы. Как вы думаете, о каком народе мы сейчас говорим? Евреи. Как наглядно показывают писатели и кинематографисты, их тысячу лет ждали только презрение, ненависть и кровопролитие. Но так ли это на самом деле и сколько в этом стереотипе правды? Галина Зеленина расскажет вам совсем другую историю средневековых евреев и их заклятых соседей христиан – историю, которую реконструируют ученые. И поверьте – здесь есть, чему удивиться. В этой книге мы поговорим: – о политике церкви и короны, стремлении к законности и незаконных гонениях на евреев; – о повседневных контактах христиан и евреев в средневековом городе; – об иудео-христианской полемике, знаменитых диспутах и их последствиях; – о насилии, мученичестве и мессианских ожиданиях. История христиан и евреев содержит много загадок и мифов, которые должны быть раскрыты и исследованы. Давайте вместе начнем приоткрывать завесу этой тайны. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(100)"4/14"

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-17-134047-6

© Зеленина Г., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Введение	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Галина Зеленина
Изгой Средневековья:
«черные мифы» и реальность

Иллюстрации предоставлены по лицензии Shutterstock

© Зеленина Г.С., текст

© ООО «Издательство АСТ»

Введение

Самые страдающие в Средневековье?

Выдающийся американский медиевист, специалист по испанскому еврейству, Йосеф-Хаим Ерушалми в своей самой тонкой, но самой известной книге «*Захор*. Еврейская история и еврейская память», отметил удивительный парадокс. Еврейский народ, казалось бы, заикленный на своей истории, в постбиблейскую эпоху перестал интересоваться современными событиями, воспринимая их лишь как повторение библейских. Соответственно и историописание столетиями не числилось среди приоритетных областей еврейской культуры. Нынешняя же еврейская историография – это дерево без корней, выросшее в эпоху Просвещения под влиянием европейской исторической науки. Тезисы Ерушалми вызвали мощный отклик – одобрение, критику и подъем исследований еврейской коллективной памяти.

Многие еврейские историки воспротивились определению себя как инородного ростка, искусственно привитого на ствол еврейской истории, и отстаивали свою органичную связь с традиционной памятью. В их пользу можно указать, что и немногочисленные средневековые еврейские исторические сочинения, и еврейская научная историография Нового времени уделяли внимание прежде всего двум вещам в истории своего народа: культуре и бедствиям, – хотя рассказывали о них неодинаково и с разными целями. Средневековые авторы описывали культуру, то есть передачу религиозного знания от одного поколения мудрецов к другому, дабы проследить так называемую «цепь традиции» и ею подтверждать, что нынешние религиозные законы верны, ибо по цепочке авторитетных законодателей восходят к Библии, горе Синай и самому Богу. Историки-просветители описывали культурные достижения, желательно секулярные, чтобы показать, что евреи – нормальный народ со своей высокой культурой, а не просто религиозные фанатики и барыги из гетто, изъясняющиеся на плохом немецком. Средневековые историки, рассказывая о погромах и наветах, исходили из того, что гонитель – это всегда извечный враг Израиля Амалек, который рядится в разные одежды, поэтому старые гонения и новые гонения – всё одно и то же, остается только поминать погибших и призывать Бога прислать, наконец, мессию-избавителя. Историки Нового времени показывали, как плохо было евреям в Средние века, в полной варварской жестокости и предрассудков христианской Европе, а сейчас свет разума испепелит остатки тех суеверий, юдофобия сгинет без следа и все будет хорошо.

Уже антисемитизм рубежа XIX–XX веков, а затем и Холокост подорвали этот прогрессистский расчет, но вслед за тем появились авторитетные борцы с виктимизирующим, или, как его называют, «слезливым», подходом к еврейской истории, представляющим ее как череду трагедий: гонений, погромов, изгнаний и т. п. Флагманом этой борьбы был крупнейший в XX веке еврейский историк Саломея Уиттмайер Барон – полиглот, обладатель трех докторских степеней – по истории, праву и политологии – от Венского университета, одного из лучших в Европе, затем профессор престижного Колумбийского университета и почетный доктор еще десятка американских и европейских университетов. Главным достижением Барона традиционно называют «выход из гетто» на двух уровнях: рассмотрение еврейской истории в широком компаративном контексте истории окружающих обществ и включение иудаики в число университетских дисциплин в США (он стал первым профессором еврейской истории в мире – за пределами Израиля). В своей 18-томной «Социальной и религиозной истории евреев» он сместил фокус с политической истории, в которой евреи на протяжении столетий не преуспевали и в рамках которой привычнее всего рассуждать об их правовой дискриминации, экономической эксплуатации и насильственной географической мобильности, на социоэкономиче-

скую и культурную. И брендом Барона стала «антилакримозность» – отказ видеть в гонениях центральное содержание еврейской истории.

После Холокоста еврейский историк не мог, разумеется, приуменьшать объем и значимость страданий еврейского народа. Но Барон стремился показать, что еврейский народ страдал, но в то же время и радовался, чтит Бога, творил, любил, странствовал, плодился и размножался. У Барона не нашлось последователей, которые бы замахнулись вновь на многотомную историю еврейского народа, но что касается антислезливого месседжа – его последователями оказываются чуть ли не все современные еврейские историки.

Евреи в средневековой Европе, безусловно, много страдали – от наветов, дискриминации, физического насилия. Никоим образом не следует об этом забывать или это недооценивать: еврейская историческая память хранит это знание, а историческая наука по возможности его уточняет. В то же время оскорблением памяти как христианской Европы, так и самих евреев было бы видеть в них исключительно жертв фанатичного католического духовенства, алчных монархов, корыстных бюргеров, невежественного и жестокого народа. Несмотря на периодические наветы, погромы и изгнания, большую часть времени все же текла обычная жизнь, которую власти старались регулировать и не допускать эксцессов, и развивались разнообразные отношения с соседями-христианами: повседневные бытовые контакты, экономическое сотрудничество, интеллектуальный диалог, дружеские и интимные связи. За межконфессиональную сегрегацию выступала как церковь, так и раввины, но реальная жизнь вносила свои коррективы.

Нетерпимость, а то и ненависть бывали свойственны обоим общинам. Абсурдно было бы представлять дело так, как значительная часть «слезливой» апологетической еврейской историографии: будто жертвы погромов и наветов, хранившие память о многочисленных аналогичных травмах в предыдущих поколениях, были невозмутимо смиренны и кротки и не лелеяли в своих фантазиях тот или иной сценарий мести. Выдающийся отечественный антиковед С.Я. Лурье в своей книге «Антисемитизм в древнем мире» утверждал, что важнейшей особенностью еврейского характера, сложившегося в диаспоре, был отказ от автоматической, «рефлексивной», реакции на нанесенные им обиды. «Инстинкт национального самосохранения приучил их вовсе не реагировать на менее тяжелые обиды, а на более тяжелые реагировать не рефлексом, а разумом... Но с точки зрения античной морали такой способ реагировать на обиду считался недостойным свободного человека. [...] Евреи, со своей стороны, эту естественно возникшую черту, не нуждающуюся ни в осуждении, ни в порицании, не преминули возвести в высшую добродетель. Христианский принцип: “ударившему в правую щеку, подставь левую” – не что иное, как вышедшая из еврейских недр утрировка этой специфической национальной особенности...» Но средневековые евреи не читали Лурье, да и евангелие читать не должны были (хотя исключения встречались) и, реагируя на нетерпимость нетерпимостью, левую щеку подставлять не торопились – или подставляли, но с совсем иными целями. Принципиальное различие, конечно, состояло в том, что у евреев негативные чувства в адрес христиан находили выражение в устном и письменном слове, у христиан же нередко доходило до дела.

Другая часть ответа на вопрос, самыми ли страдающими в Средневековье были евреи, с акцентом на слове «самые», содержится в медиевистической проблематике – исследовании средневекового христианского мира как «преследующего общества», поначалу, в эпоху варварских королевств и «темных веков», еще толерантного, но к XII столетию ради укрепления собственного единства обозначившего внешних и внутренних врагов и начавшего воспитывать нетерпимость к оным. Помимо евреев в категорию внутренних врагов попадали и еретики, и прокаженные, и гомосексуалы, и иные меньшинства. Даже женщины – меньшинство социологическое, но не количественное – стали испытывать все больше ограничений. Все эти группы

позиционировались как враждебные Чужие, что способствовало консолидации христианского общества (консолидации против), а сами их образы, созданные дискурсом власти, были близки и чуть ли не взаимозаменяемы. В реальной жизни все претерпевали правовую дискриминацию и насилие, и если евреи стали косвенной жертвой крестовых походов на Восток, то еретики были прямой мишенью крестовых походов внутри Европы. Трудно посчитать число глотков, но чаши страданий хватило на многих.

Эта книга, являющаяся результатом многолетнего преподавания автором еврейской истории, призвана показать разные аспекты сосуществования евреев и христиан в средневековой Европе: от нормативной ситуации, моделируемой в правовых документах, до эксцессов и беззакония, от рыночных сделок до сотрудничества интеллектуалов, от мирного иудео-христианского диалога до насилия и мученичества. Созданию более сложной и многоцветной картины способствует широкое цитирование источников, которые дают возможность читателю получить непосредственное впечатление и сделать собственные выводы, не полагаясь на выводы историков. Но в то же время одна из задач книги – показать, как сейчас изучают еврейскую средневековую историю, какие новые подходы предлагаются и какие ставятся новые вопросы. Они представляют интерес сами по себе, несмотря на то что зачастую не получают однозначных ответов, ведь в нашу эпоху, удаленную от позитивизма, мало кто из историков уверен, что знает, «как оно было на самом деле», и, более того, что эта «всамделишная», единственная подлинная реальность вообще существовала. Скорее, говорят о мозаике разнообразных позиций и восприятий тех или иных событий их участниками, современниками, летописцами. На эту мозаику накладывается не совсем прозрачная линза современного исследователя. Задача этой книги – высветить некоторые кусочки смальты и разглядеть особенности стекол, сквозь которые на них смотрели и смотрят историки.

Часть I

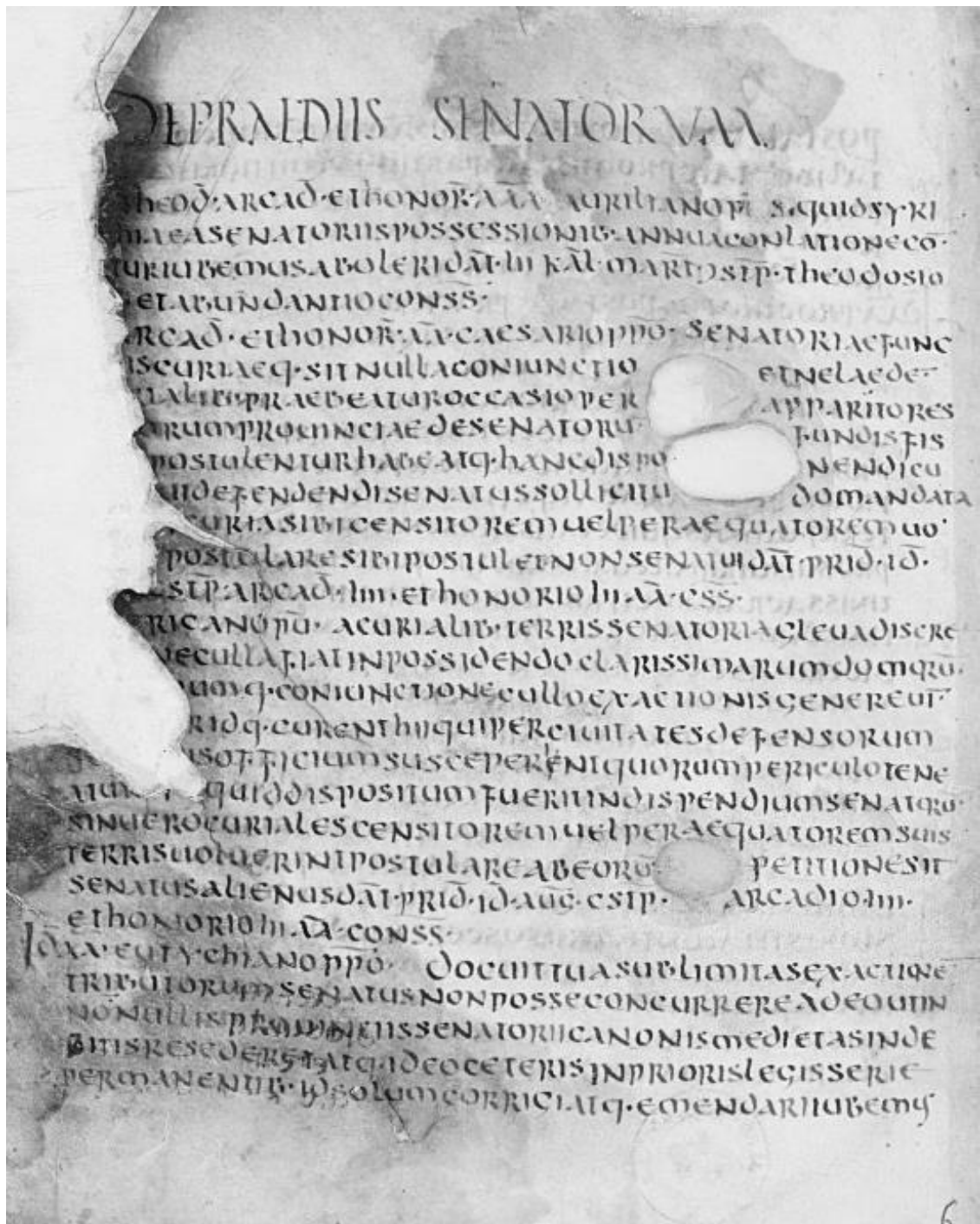
Евреи под властью короны и церкви

Глава 1

«Не должны терпеть никакого ущемления»: папство и евреи

Жизнь евреев в средневековой Европе регулировалась законами – за исключением тех многочисленных случаев, когда эти законы игнорировались или нарушались. Если частная жизнь еврея, жизнь его семьи и общины – религиозная практика, взаимоотношения супругов, внутреннее налогообложение, общинные должности и прочее – регулировались еврейским правом, галахой, то взаимоотношения с христианами, статус евреев как подданных и права еврейских общин регулировались законом христианским – церковным и королевским законодательством, а также привилегиями, жалованными грамотами, указами и прочими правовыми актами локальных властей: феодалов, епископов, городских советов.

Как известно, средневековая цивилизация во многом являлась продуктом так называемого варварско-римского синтеза, результатом постепенного усвоения античного наследия германцами, расселившимися и создавшими королевства на территориях Западной Римской империи. Законодательство о евреях тоже было таким продуктом и имело два источника: римское право, повлиявшее на церковное, или каноническое, и варварское обычное право, вместе с каноническим сформировавшее право королевское. В этой главе пойдет речь о евреях в каноническом праве – в буллах понтифика, в канонах соборов, – которое определяло статус евреев в папском государстве и – в зависимости от послушности местных светских властей – во всем западном христианском мире.

Рукопись VI века, содержащая VI–VIII книги Кодекса Феодосия.
Национальная библиотека Франции

В основе канонического лежало римское, преимущественно уже христианское римское право и, прежде всего, Кодекс Феодосия – составленный в 430-х годах свод римских законов, принятых после христианизации империи по Миланскому эдикту 312 года. Законы о евреях сосредоточены в XVI книге Кодекса, прежде всего, в VIII и IX ее титулах. В этой книге идет речь также о еретиках – и это показывает, что евреи понимались как религиозная группа («секта иудеев»). Языческая римская толерантность, предоставлявшая свободу вероисповедания, а с Эдикта Каракаллы 212 года – и гражданство всем жителям империи, соседствует здесь с христианскими рестрикциями. «Совершенно очевидно, что секта иудеев не запрещена никаким законом», – утверждает Кодекс Феодосия и гарантирует ей, в частности, свободу религиоз-

ных собраний и соблюдения субботы, неприкосновенность личности и собственности евреев, а также синагог, наличие собственных сборщиков налогов и защиту от оскорблений для еврейских старейшин, «священников», «вождей синагоги». В то же время Кодекс именует иудаизм «суеверием» (*superstitio*), закрепляя понятие «вера» (*religio*) исключительно за христианством, предостерегает евреев от того, чтобы «возгордиться и решить как-либо посягнуть на христианскую веру», запрещает строить новые синагоги, запрещает оскорблять христианскую веру (например, путем сожжения на праздник Пурим креста в память о виселице Амана), жениться на христианках, поступать на военную службу и занимать судебные должности, получая таким образом власть над христианами. Теме рабов-христиан посвящен целый IX титул. Там говорится: «Пусть иудей не владеет рабом-христианином» – и под страхом смертной казни запрещается вводить раба «в скверну своей секты».

Та же амбивалентность сохраняется в других авторитетнейших христианских римских правовых сводах – Кодексе и Новеллах византийского императора Юстиниана (VI век), где многое заимствовано из Феодосия, но евреи больше сближаются с еретиками. В частности, Юстиниан покушался на их религиозную практику, пытаясь запретить Мишну, первый свод постбиблейского раввинистического права, на том основании, что в ней нет ничего небесного и божественного – только выдумки земных людей. На Западе Юстиниан был менее известен и авторитетен, чем более умеренный в еврейском вопросе Феодосий, который оставался актуальным юридическим источником для канонистов.

Если каноны поместных и вселенских соборов, как правило, носили запретительный и ограничительный антииудейский характер, то в папских посланиях и буллах сохранялась двойственность, свойственная Кодексу Феодосия. Принципиально также учитывать существенные расхождения между риторикой, теорией и практикой римских пап в еврейском вопросе: риторика их могла быть яростно юдофобной, теория – то есть законы, призванные регулировать статус евреев во всей католической Европе, – бывала гораздо сдержаннее риторики, а практика, то есть отношение к евреям – подданным Папской области, еще снисходительнее, поскольку прагматичнее.

Далее рассмотрим наиболее заметные выступления влиятельных пап по еврейскому вопросу и канонические законы, регулирующие статус и права евреев в христианском обществе.

Раннесредневековый папа Геласий I (годы понтификата: 492–496), первый заметный теоретик папской власти, был автором учения о двух мечях – духовной власти и светской, из которых меч духовной важнее: бремя священников тяжелее бремени царей, поскольку они несут ответственность за царей. В своей риторике Геласий был юдофобом. К примеру, писал следующее: «Целое часто называется по своей части» – так иудеи называются по имени Иуды, про которого сказано, что он – Дьявол (Иоан 6:71). Однако на практике дела обстояли иначе. У Геласия был приближенный еврей, и он протезировал его отцу – специально просил одного епископа взять того на службу:

Весьма выдающийся человек из Телесии, хотя он и придерживается иудейских верований, так стремился получить Наше одобрение, что мы по праву должны называть его одним из Наших. Он особо просил за своего отца Антония, с тем чтобы мы рекомендовали его Вашей милости. И подобает, Брат, чтобы ты поступил с уважением к вышесказанному и с почтением отнесся к Нашей воле и Нашему приказанию и чтобы этот человек не только

не испытывал никакого притеснения, но напротив, возрадовался бы, получив любую требуемую ему поддержку Вашей милости¹.

А получив жалобу одного раба на то, что его, христианина, насильственно обрезал его хозяин-еврей, Геласий не спешил наказывать, но назначил епископское расследование, заметив, что как еврей мог нарушить закон и покуситься на своего раба, тем самым оскорбив христианскую веру, так и раб может лгать и наговаривать на своего хозяина с целью получить вольную.

Спустя столетие после Геласия ту же неоднозначность в своей еврейской политике проявлял другой выдающийся папа и отец церкви Григорий Великий (590–603), во многом определивший политику последующих пап по еврейскому вопросу. В своей риторике Григорий был довольно суров, как правило, называя иудаизм не только «суеверием» (*superstitio*), которое может «загрязнить» христианскую веру и обмануть простых христиан, но и «бедствием» (*perditio*). Разумеется, как глава христианской церкви, он желал бы исчезновения этого «ветхого» верования и обращения евреев в христианство. Но в то беспокойное время, когда византийский император более не обладал политической властью в Италии, и все гражданские вопросы приходилось решать папе, перед лицом новых возможных войн ему был необходим гражданский мир, в частности лояльность евреев и лояльность по отношению к евреям. И Григорий в своей булле *Sicut Judaeis* («Подобно тому как иудеям...») – буллы называются по первым словам), ставшей основой будущих папских «конституций об иудеях», сформулировал принцип баланса защиты и ограничений: «Подобно тому как иудеям не должно давать разрешения делать в их синагогах что-либо сверх того, что позволено законам, так и в том, что дозволено им, они не должны терпеть никакого ущерба».

На практике ему приходилось решать три проблемы: наличия рабов-христиан у еврейских хозяев, оскорбления еврейской религии и мирного привлечения евреев в лоно церкви.

Реагируя на доносы о том, что евреи покупали христиан в рабство, а то и совращали рабов-христиан в иудаизм, Григорий написал множество писем – франкской королеве Брунгильде, епископам, священникам, требуя, чтобы все евреи-рабовладельцы в течение 40 дней продали своих рабов-христиан христианам и чтобы впредь, если раб-язычник лишь выразит желание креститься, его уже нельзя было бы продавать еврею. В то же время он защищал право евреев на исповедание своей религии, в частности, неприкосновенность синагог, настаивая на том, что привлекать иудеев в лоно церкви нужно добротой и силой убеждения, а не насилием, угрозами и репрессиями. В рамках этого метода «пряника» он советовал уменьшать налоговое бремя для крестившихся евреев, обедневших после своего крещения вследствие потери дохода в еврейской общине или наследства, – даже назначать им умеренную пенсию. Очевидно, епископы слушались его через раз (что верно для папства той эпохи в целом). Ему возражали, что такие обращенные будут неискренни, выбирая христианство ради пенсии, а не ради веры в Иисуса, на что Григорий отвечал, что зато их дети будут более искренни. Были и возражения с другой стороны, от тех клириков, кто мечтал дешево и сердито решить еврейский вопрос путем принудительного крещения, но папа строго запрещал это, указывая, что крещенные насильно при первой возможности отпадут обратно в иудаизм.

¹ Здесь и далее перевод автора, если не указано иначе и за исключением канонических текстов.

Якопо Виньяли. Св. Григорий Великий. Ок. 1630.
Художественный музей Уолтерс, США

Вообще насильственное и принудительное крещение евреев в средневековой Европе как норма не практиковалось. Были более и менее массовые насильственные крещения в ходе погромов, когда евреи оказывались перед выбором: крещение или смерть, было принудительное обращение португальских евреев в христианство королем Мануэлом Счастливым уже на излете Средневековья, но эти случаи были исключительны и нелегитимны с точки зрения канонического права. Христианская церковь и вслед за ней монархи следовали принципу сохранения иудеев как таковых до второго пришествия как свидетелей истинности христианства; свидетельствовали они об этом как своим униженным положением, так и своим Писанием, то есть Ветхим Заветом, в котором христианские богословы видели множество указаний на Иисуса и его историю. Этот принцип сформулировал влиятельнейший отец церкви Августин Аврелий, комментируя библейский стих «Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ мой» (Пс 58:12). Он

звучал на церковных соборах и, наконец, вошел в Декрет Грациана (ключевой памятник канонического права XII века): насильственное крещение воспрещалось, но побуждение к крещению проповедью поощрялось, а уже крещенных, пусть даже насильственно, следовало удерживать в христианской вере, ведь они уже причащались и вкушали Тело Христово и теперь их отпадение в иудаизм было бы оскорблением христианской веры и богохульством.

С первой половины XII века папы начинают издавать конституции о евреях, возможно, в ответ на ходатайство последних о защите в связи с погромами, совершаемыми крестоносцами, или какими-то иными эксцессами. Каждый новый папа переиздавал этот закон, чтобы он вновь вступал в силу; некоторые вносили в него дополнения. Приводимый здесь вариант был издан могущественным и крайне амбициозным папой Иннокентием III (1198–1216), и суровые вводный и заключительный абзацы (выделены курсивом) были добавлены им самим.

Конституция об иудеях

Хотя неверие евреев должно быть всячески порицаемо, но поскольку, тем не менее, через них наша собственная вера получает подлинное подтверждение, не следует тяжко притеснять их, как говорит пророк: «Не умерщвляй их, дабы не забыл народ мой» (Пс 58:12), как если бы он говорил более открыто: «Не истребляй евреев полностью, чтобы ежеси вдруг христиане забудут Твой Закон, то евреи, хотя и не понимая его, сохраняют его в своих книгах для тех, кто его понимает».

[Sicut Judaeis non] Подобно тому как не должно позволять евреям осмеливаться выходить за пределы того, что позволено им законом в их синагогах, так и в том, что было признано за ними, они не должны терпеть никакого ущемления. Эти люди желают скорее упорствовать в своей жестоковейности, чем узнать откровения пророков и тайны Закона и прийти к постижению христианской веры, но поскольку тем не менее они нуждаются в Нашей защите, Мы – по кротости, подобающей христианскому благочестию, и следуя по пути наших предшественников доброй памяти, римских понтификов Каликста, Евгения, Александра, Климента и Целестина, принимаем их прошение и даруем им щит Нашего покровительства.

Ибо мы объявляем законом, чтобы ни один христианин не принуждал их против их воли насильно принять крещение. Но если кто-либо из них добровольно и ради веры перейдет к христианам, как только выбор его станет очевидным, пусть будет крещен в христиане без каких-либо клеветнических измышлений. Тот же, про кого известно, что он пришел к крещению не добровольно, но под принуждением, не может считаться обладателем подлинной веры христианской.

Также ни один христианин да не осмелится без соответствующего судебного решения местной власти злобно наносить им телесные повреждения или насильственно отнимать их собственность или менять добрые обычаи, которые были у них по сей день, в каком бы месте они ни проживали.

Кроме того, никто не должен мешать им праздновать их праздники, побивая их палками или камнями, и также никто не должен требовать с них служб и работ, которые они не должны выполнять, кроме тех, которые они привыкли выполнять с давних времен.

В дополнение к этому мы постановляем, препятствуя нечестию и жадности злых людей, что никто не должен портить или отнимать землю у еврейского кладбища, а также выкапывать захороненные тела с целью найти деньги.

Если же кто-либо тем не менее осмелится, зная содержание этого закона, пойти против него – да не случится подобного! – да будет наказан наказанием отлучения, если только не исправит свой поступок, соответственно возместив нанесенный ущерб.

Мы желаем, однако, чтобы только те были ограждены защитой сего покровительства, кто не лелеет помыслы о подрыве христианской веры.

Дано в Латеране, записано рукою Райнальда, архиепископа Ачеренцского, действующего от имени канцлера, в 17 день перед октябрьскими календами, во второй индикт, в 1199 год от воплощения Господня и во второй год понтификата господина папы Иннокентия III.

Понтификат Иннокентия III – это расцвет средневекового папства, апогей папоцезаризма, учения, согласно которому римский понтифик, как наместник Бога на земле – а Иннокентий первым из пап стал называть себя «викарием Христа» вместо «викария Петра», – обладает не только духовной, но и светской властью, и потому венценосные особы должны ему подчиняться. В плане еврейской политики папства понтификат Иннокентия считается худшим периодом. Историк XIX века, отец еврейской исторической науки Генрих Грец даже называет правление Иннокентия и смерть великого ученого Моисея Маймонида в 1204 году двумя главными бедствиями для евреев того времени. Проповеди Иннокентия изобиловали инвективами в адрес иудаизма: он плотский и демонический, близкий к идолопоклонству и греховный, евреи виновны в распятии Христа и регулярном оскорблении христианской веры через насмешки над христианами или строительство слишком просторных синагог, превосходящих церкви по площади. Папа возмущался феодалами, которые вместо того, чтобы держать евреев в черном теле и тем самым пробуждать в них мысли о переходе в христианство, покровительствовали им и поощряли ростовщичество – профессию, распространенную среди евреев в связи с тем, что III Латеранский собор 1179 года запретил ее христианам на основании библейской заповеди «не давать в рост брату своему» (Втор 23:19), а евреев к этому моменту эффективно вытесняли из других профессий – земледелия и ремесла. Под покровительством сеньоров евреи-ростовщики за долги отнимали имения церковных приходов и те теряли свою десятину. Кроме того, они имели наглость непригодное им по законам кашрута мясо и вино продавать христианам. К одному такому графу Иннокентий обращался многократно со все возрастающей угрозой: «мы просим», «мы предупреждаем», «мы требуем», «мы приказываем [...] чтобы нам не пришлось самим приложить руки к исправлению этого зла». Гневного письма удостоился и кастильский король Альфонсо, под властью которого, по мнению папы, «Синагога разрасталась, а Церковь уменьшалась».

Тут надо заметить, что «приложить руки к исправлению этого зла» папы особенно и не могли, так как не имели способов прямого воздействия на евреев. В церковном арсенале методов имелось лишь отлучение от церкви, которому, разумеется, можно было подвергнуть лишь христианина. Поэтому, желая наказать еврея, клирики приказывали христианам не иметь с ним дел под страхом отлучения.

При этом Иннокентий заботился об обратившихся евреях, требуя от епископов особого внимания к ним и оказания материальной помощи, чтобы они, не дай бог, не отпали обратно в иудаизм из-за бедности. Важное нововведение – Иннокентий стал признавать действительными их прежние браки, заключенные в бытность их иудеями, даже левиратные (браки женщин с братом умершего мужа), запрещенные церковью, ссылаясь при этом на евангельский стих «что Бог сочетал, того человек пусть не разлучает» (Мф 19:6). По-видимому, Иннокентию были свойственны эсхатологические настроения: в своих письмах он обещал, что скоро произойдет единение Востока и Запада, византийского и римского христианства под властью апостольского престола, а затем и единение с иноверьцами.

Папа Иннокентий III. Фреска из Аббатства св. схоластики. Ок. 1219

Но пока обращения и единения не произошло, понтифик тревожился, как бы иноверцы не причинили ущерб христианской вере и церкви. Это выразилось в добавлении ограничительной «поправки» к защитительной в целом конституции о евреях («чтобы только те были ограждены защитой сего покровительства, кто не лелеет помыслы о подрыве христианской веры») и в ряде канонов созданного им в 1215 году IV Латеранского собора. Помимо принятия учения о пресуществлении, осуждения ересей и других постановлений собор издал четыре важных канона о евреях и их крещеных братьях; один из них касался и других иноверцев в христианской Европе – мусульман.

67-й канон «О еврейском ростовщичестве», «желая защитить христиан от жестокого притеснения со стороны евреев», запрещал евреям-ростовщикам брать с христиан «тягостный и

неумеренный процент» под страхом бойкота. Здесь надо заметить, что ростовщичество в Средние века было профессией крайне нужной – из-за постоянной нехватки наличных денег – и при этом крайне рискованной, поскольку ростовщики-евреи имели мало действенных механизмов, чтобы принудить влиятельных должников к уплате долга. Напротив, власти время от времени замораживали эти долги, позволяли привилегированным группам (прежде всего, крестоносцам) их не выплачивать, а также переадресовывали их в королевскую казну. Поэтому, ожидая, что к нему вернутся далеко не все ссуды, ростовщик требовал высокие проценты (вплоть до 50–60 %) и ценные заклады. Церковь была возмущена ситуацией, когда недвижимость и земли, отданные христианином еврею-ростовщику в залог, вследствие неуплаты долга оставались у еврея, который не был обязан платить с них десятину, и таким образом церковь терпела убытки. Поэтому 67-й канон требовал «возместить десятины и пожертвования в пользу церкви, которые христиане платили со своих домов и иных владений, пока эти их владения, как бы они ни назывались, не попали в руки евреев».

68-й канон описывал прискорбную невозможность «никоим образом отличить иудеев или сарацин от христиан», если они носят одинаковое платье: «и тогда временами происходит так, что по ошибке христиане вступают в отношения с женщинами из числа евреек или сарацинок, а евреи и сарацины – с христианскими женщинами». В этом месте мы не можем не задаться вопросом: неужели взгляд средневекового человека не отличал еврея и араба от европейца? Неужели сознание – понимание этих категорий (иудеи, сарацины) как конфессиональных, а не этнических – настолько предопределяло бытие (способность глаза различать физические особенности)? Нужно, конечно, оговориться, что европейцы бывают разные, и в Испании, Италии и Южной Франции спутать действительно могло быть немудрено. Но и сам канон предполагал тут долю лицемерия – путаницу допускали те, кто хотел ее допустить:

Посему, дабы они не могли в будущем оправдывать подобные поступки из числа запрещенных связей тем, что ошиблись, мы постановляем, чтобы евреи и сарацины обоих полов во всех христианских землях и в любое время отличались бы в глазах общества от других народов своею одеждой. [...] Кроме того, в течение последних трех дней перед Пасхой и в особенности в Страстную пятницу они не должны выходить в общество вообще по той причине, что некоторые из них в эти самые дни, как мы слышали, не стесняются выражаться и не боятся высмеивать христиан, которые чтят память святейших страстей, нося знаки траура.

Хотя дальше канонисты повторно проговаривают причину своей озабоченности – «строже всего мы воспрещаем следующее: чтобы кто-либо осмеливался оскорблять Спасителя», этот запрет был вызван также обоснованными опасениями антиеврейского насилия, которое могло быть спровоцировано еврейским святотатством, а могло – горячими проповедями с амвона, напоминающими народу историю Страстей Христовых и указующими на виновников оных. Пасхальные погромы станут нередким явлением в позднее Средневековье, и власти будут стараться их предотвратить, не выпуская евреев за пределы их квартала.

69-й канон запрещал евреям получать предпочтение в назначении на общественную должность, «поскольку это нелепо, чтобы хулитель Христа имел власть над христианами», и призывал поместные соборы наказывать светских князей, протектирующих евреям. Это была обычная ситуация: интересы и действия церкви и местных светских властей, будь то города, сеньоры или короли, часто не совпадали. Папы взымали вотще, князья поступали по своему усмотрению, руководствуясь практической выгодой – еврейская община облагалась высоким налогом.

70-й канон указывает на то, что переход евреев в христианство не был совсем маргинальным явлением, раз заслуживал внимания вселенского собора и правового регулирования. Канон повелевал прелатам всеми средствами удерживать евреев, «добровольно вошедших в воды святого крещения», в их новой вере, ни в коем случае не позволяя им вернуться к их прежнему обряду, «поскольку не знать пути Господа – меньшее зло, чем, узнав, повернуть вспять стопы свои». Это важный момент, предопределивший, в частности, позднее преследование марранов испанской инквизицией. Евреи как таковые церкви и церковному суду были неподвластны в отличие от крещеных евреев, которых церковь всегда имела склонность подозревать в том, что они «не до конца стряхнули с себя прежнюю личину», а приверженность христиан иудаизму – это уже ересь, подлежащая розыску и искоренению.

Каноны о евреях IV Латеранского собора широко известны, считается, что они маркируют поворот в политике католической церкви, переход от относительной толерантности к яркой нетерпимости в отношении евреев и прочих Других (сарацин, еретиков). Но надо иметь в виду, что почти все эти положения уже несколько веков бытовали в каноническом праве, IV Латеранский собор только повторил их и, как собор вселенский и чрезвычайно представительный, потому и прозванный «великим», придал им особый авторитет.

* * *

С XIII века провозглашенный конституцией Sicut Judaeis баланс защиты и ограничений стал нарушаться, а политика защиты и покровительства – уступать место сегрегации, дискриминации и прямому преследованию. И главное – церковь начала вмешиваться во внутренние дела чужой религии, осознав – благодаря выкрестам-доброхотам, – что раньше представляла себе суть иудаизма ошибочно. А именно: церковь полагала, что евреи живут по Ветхому Завету, не приняв христианский Новый Завет и дальнейшую литературу Отцов церкви (патристику), и обвиняла их в упрямстве и косности. И вдруг до Рима дошли сведения о Талмуде, то есть о том, что иудаизм не остановился на Ветхом Завете, а тоже имеет свою постбиблейскую традицию – своды раввинистического права, Мишну и Талмуд, которые даже в большей степени определяют жизнь евреев, чем Библия. И Рим вознегодовал, решив, что нынешний иудаизм изменил Библии с Талмудом, искажающим содержание Библии – в частности, скрывающим многочисленные предсказания христианского будущего – и потому достоин наказания и излечения.

Папа Григорий IX (1227–1241) начал суровую антииудейскую полемику, направленную на осуждение и уничтожение еврейских книг. Григорий полагал, что современный ему иудаизм, находящийся между библейской эпохой, когда евреи были «избранным народом», и вторым пришествием, когда остатки евреев спасутся, испорчен и нуждается в исправлении ради будущего спасения. В своем отношении к евреям понтифик не забывал о принципе «не умерщвлять» и осуждал финансовую эксплуатацию, вымогательства, насилие и локальные изгнания, которым подвергали евреев во Франции. Он говорил, что христиане должны относиться к евреям так же, как хотят, чтобы относились к христианам в языческом мире.

Следующий сильный папа Иннокентий IV (1243–1254) продолжил борьбу с основополагающими текстами раввинистического иудаизма. При нем во Франции дважды сжигали Талмуды целыми возами; потом, впрочем, церковь склонилась к цензурированию книги взамен ее уничтожения. В 1244 году Иннокентий писал в послании королю Франции:

Неблагодарные по отношению к Господу Иисусу Христу, который терпеливо ожидает их обращения, хотя чаша его терпения уже переполняется, они не выказывают никакого стыда за свою вину и не благоговеют перед христианской верой. Пренебрегая или отвергая

Закон Моисея и пророков, они следуют неким преданиям своих старейшин, тем самым, за которые Господь призвал их к ответу в Евангелии, говоря: «Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего» (Мф 15:3). Эти предания – на еврейском языке они называют их «Таламут» – это обширная книга, которая гораздо больше Библии по размерам. И в ней содержится хула на Бога и на его помазанника, и на благословенную Деву, басни, которые очевидно не поддаются никакому толкованию, ошибочные искажения и неслыханные глупости – и тем не менее именно этому они учат и этим питают своих детей [...] а от Закона и пророков отвращают их совершенно, ибо опасаются, что если те поймут Писание и найдут запретные истины, явно свидетельствующие о единомродном и воплотившемся Сыне Божьем, то оставят свою религию и перейдут в веру Христову, и вернутся смиренно к Спасителю своему.

Следующим беспокойством, охватившим руководство церкви и повлиявшим на его еврейскую политику, стало опасение еврейского миссионерства. Один еврейский историк писал, что в отношении Рима к евреям дух *Sicut Iudaeis* сменился духом *Turbato corde* («Со смятенным сердцем») – так называлась знаменитая булла, изданная папой Климентом IV в 1267 году:

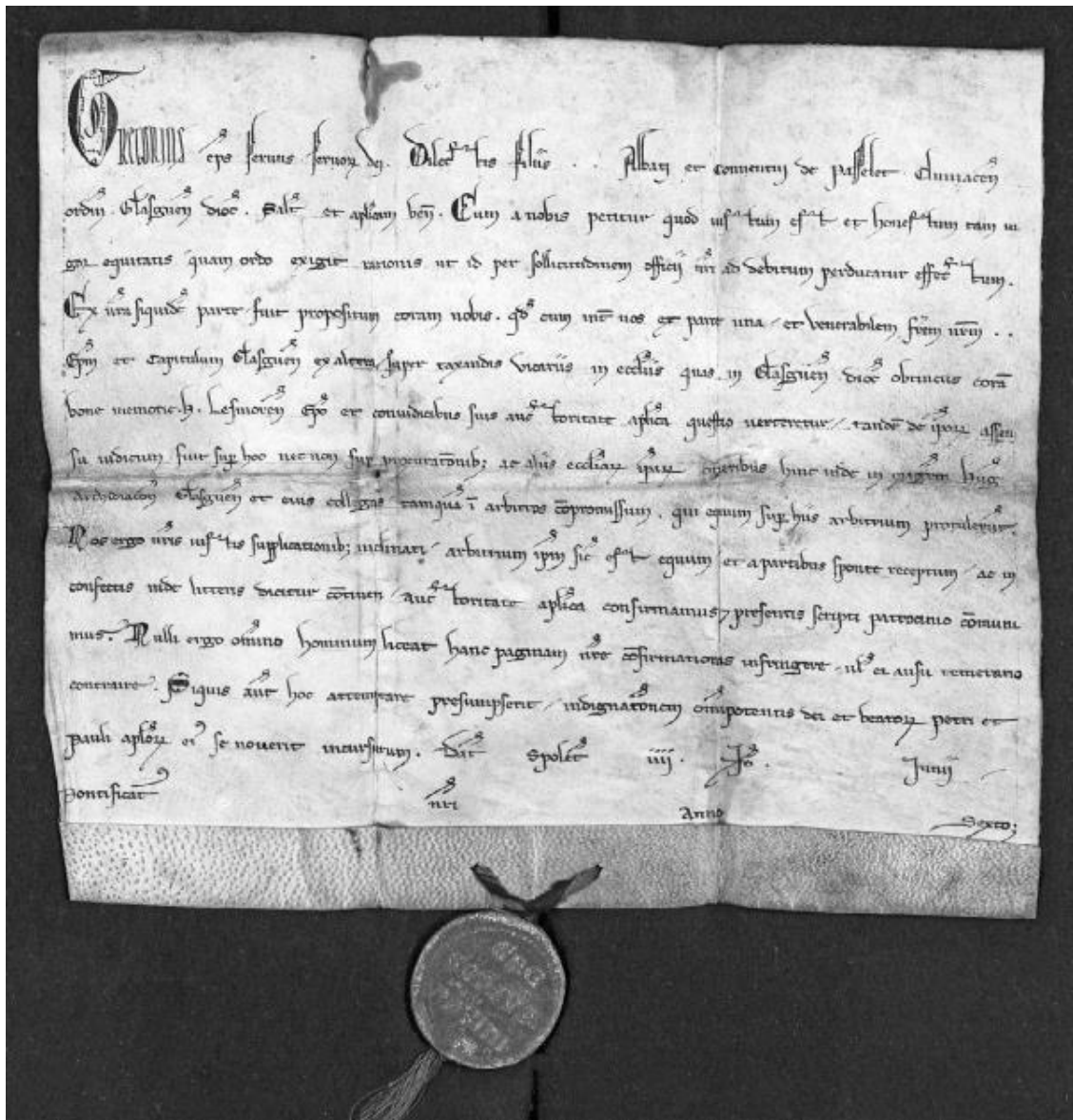
Возлюбленным сынам – братьям-проповедникам и миноритам, инквизиторам ереси, властью Апостольского престола назначенным или тем, кто будет назначен в будущем, приветствие и апостольское благословение:

Со смятенным сердцем мы слышали, а теперь излагаем, что все больше дурных христиан, отвергая истину католической веры, переходят по пути, достойному проклятия, в обряд иудеев. Тем более это дурно, что святейшее имя Христа бездумно подвергается поношению враждой внутри семьи.

Поскольку следует прекратить эту чуму, ведущую к проклятию, которая, как мы слышим, разрастается чрезмерно, разумеется, с помощью упомянутой веры, и следует сделать это средствами подходящими и незамедлительно, этим апостольским письмом мы приказываем вашей корпорации в отношении вышесказанного, будь в том виновны христиане или даже иудеи, действовать так же, как Апостольский престол повелел вам действовать в отношении расследования ереси, преследовать христиан, совершивших вышеназванное, так же, как и еретиков, предварительно старательно и добросовестно изучив суть дела. Иудеев же, которые склоняют христиан обоего пола в свой отвратительный обряд, вы должны наказывать с должной строгостью, обуздывая церковными наказаниями без права апелляции тех, кто противится этому, и, если требуется, прося помощи светской власти.

Дано в Витербо, в 7 день перед августовскими календами, в третий год нашего понтификата.

Понтифик таким образом констатировал, что имеет место если не массовое, то по крайней мере заметное отпадение христиан в иудаизм, приравнял это явление к ереси и поручил борьбу с ним «братьям-проповедникам и миноритам» – доминиканцам и францисканцам, нищенствующим орденам, занимающимся религиозным сыском, то есть инквизицией.

Одна из булл папы Климента IV от 1265 года

Преемники Климента IV переиздавали эту буллу, уточняя, что евреи совращают в иудаизм не только выкрестов, своих бывших единоверцев, но и урожденных христиан. Они вменяли в обязанность францисканцам и доминиканцам проверку еврейских книг на предмет оскорблений христианской веры и проповедь евреям с целью обращения их в христианство (принудительная проповедь считалась «убеждением, а не принуждением»).

Как эта тревога пап сказывалась на жизни евреев? Интересное совпадение. Папа Гонорий IV в 1286 году написал строгое письмо примасам Англии о том, что английские евреи вконец обнаглели, проповедуют выкрестам и даже урожденным христианам, а в своих молитвах произносят проклятия на христиан. Гонорий призвал бороться с этой скверной, и через четыре года евреи были изгнаны из Англии. У решения об изгнании, принятого, конечно, королем, а не церковью, были и другие причины, но настойчивое недовольство Рима, вероятно, сыграло свою роль.

Папа Климент IV. Гравюра из книги Джованни Батиста Кавальери
«Изображения римских понтификов». Рим, 1580

Папы позднего Средневековья, в целом меньше занимаясь еврейской политикой, демонстрировали прежнюю двойственность, свойственную их предшественникам: защищая евреев

здесь и сейчас, прежде всего, в папских владениях, они вели позиционную войну против иудаизма в целом, стремясь когда-нибудь мирным способом обратить евреев в христианство. Для этого папы ввели в ряде университетов изучение восточных языков ради миссий к неверным, в том числе к иудеям, посылали проповедников в свои южно-французские владения с надеждой на обращение евреев, изгнали отдельные общины за отказ креститься несмотря на проповеди, продолжали борьбу с Талмудом, который изучали и цензурировали францисканцы. В то же время папы защищали евреев от наветов, в частности, от обвинений в отравлении воды во время эпидемии чумы, пускали в папские владения изгнанников из других земель, брали к себе на службу евреев-врачей и покровительствовали выкрестам, допуская их даже в курию. Так, ренессансный папа Александр VI Борджиа (1492–1503), скандально известный своей личной и семейной жизнью и придворными интригами и убийствами и заслуженно известный как локальный политик, стремившийся не столько влиять на весь христианский мир, сколько радеть о благе папского государства (и своем династическом, конечно), весьма покровительственно относился к евреям, преследуя при этом свою выгоду. В частности, по легенде, излагаемой еврейским историком Генрихом Грецем, римские евреи не хотели делиться своим жизненным пространством с сефардами, изгнанниками из Испании, и предлагали папе взятку в тысячу дукатов, с тем чтобы он не пускал в Рим испанских евреев, но Александр вместо этого взял с них штраф в две тысячи дукатов, а сефардов приказал пустить.

Еврейская политика церкви – от канонов вселенских соборов до папских посланий – прямо, косвенно и от противного влияла на светское законодательство и еврейскую политику королей и императоров. Те иногда слушались церковных предписаний, иногда ориентировались на канонические документы, составляя свои грамоты и законы, а иногда видели конфликт интересов и в своих постановлениях отчетливо противоречили требованиям апостольского престола.

Глава 2

«Принадлежат нам по нашей воле»: евреи в королевских законах

В раннесредневековых варварских королевствах евреи как часть местного римского населения – в отличие от пришлых варваров – жили по римскому праву – по Кодексу Феодосия в его новых кратких переложениях вроде Бrevиария Алариха или Римского закона вестготов. Но постепенно создавалось новое королевское законодательство, в том числе и законодательство о евреях, имевшее помимо римского и канонического права еще один источник – обычное право, регулировавшее жизнь еще германских племен, где оговаривался статус «чужаков» – людей изначально бесправных, но получавших протекцию вождя за регулярную плату.

Юридический статус евреев был впервые более или менее полно определен в законодательстве Каролингской империи – при Карле Великом и его сыне Людовике Благочестивом. Евреям гарантировалась неприкосновенность их личности и собственности, они получали привилегии в торговле, право владеть рабами и держать слуг-христиан (что явно противоречило требованиям церкви), разрешение апеллировать к императорским чиновникам в случае притеснений со стороны местных властей, освобождение от судебных испытаний – ордалий – и право давать свою еврейскую клятву – на Торе. Раньше в случае судебного разбирательства евреев как чужаков, за которых местные не могут или не хотят поручиться, подвергали ордалиям, ведь дать очистительную клятву на Евангелии они не могли; так что разрешение клясться на Торе (или Десяти заповедях) было, безусловно, существенной уступкой. Кроме того, в каролингских законах появляется важный персонаж – так называемый *magister Iudaeorum*, «еврейский староста», посредник между еврейскими общинами империи и центральной властью, долженствующий защищать интересы первых, а второй гарантировать еврейское послушание и бесперебойное поступление налогов. Эти посредники в другие периоды и в других королевствах будут называться иначе: «еврейским епископом», «пресвитером», «архисинагогом», «земельным раввином». Название не столь важно, важно, чьи интересы этот человек представлял в первую очередь, кем он был: евреем, выдвинутым общиной и лишь утвержденным в должности королем, или же просто чиновником королевского фиска. Во Франции, Германии, Англии такие посредники уже в высоком Средневековье перестали быть представителями общины и ходатаями за нее: их стали назначать сверху, а раввины, в свою очередь, запрещали евреям занимать подобные должности под страхом экскоммуникации, называя это коллаборационизмом. В Испании же аналогичная должность «раввина двора», или «высшего раввина», просуществовала вплоть до изгнания евреев в 1492 году, и наличие этой воспроизводящейся группы придворных евреев, признаваемых королем и, как правило, чтимых общиной, было важным компонентом сравнительного благоденствия испанских евреев.

До появления уже в XIII веке королевских законодательных сводов законодательство о евреях существовало, как правило, не в виде законов, а в виде отдельных жалованных грамот тем или иным евреям или еврейским общинам, которые переиздавались в адрес других общин и повторялись последующими монархами. Например, сохранилась грамота Людовика Благочестивого евреям рабби Донату и его племяннику Шмуэлю, в которой император берет их под свою защиту, заявляя всем своим подданным:

...ни вы, ни ваши подчиненные, ни ваши преемники не должны ни ущемлять права этих евреев, ни наносить им телесные повреждения. Вы никогда не должны отнимать у них их частную собственность или присваивать себе имущество, которым они теперь

законно владеют. Не смейте взимать с вышеназванных евреев подати, лошадную повинность, плату за проживание или дорожные сборы.

Кроме того, Донат и Шмуэль получают право жить по собственным законам, свободно торговать и нанимать слуг-христиан, а также владеть чужеземными рабами, то есть язычниками, которых под страхом отлучения никто не должен склонять к переходу в христианство. В случае тяжбы между Донатом или Шмуэлем и христианином христианин должен отстаивать свою правоту с помощью свидетелей как христиан, так и евреев, и никто не должен подвергать Доната и Шмуэля судебным испытаниям – «то есть испытаниям огнем, кипящей водой или же розгой». Аналогичные привилегии, по-видимому, получали и другие еврейские семьи или общины – сохранились формуляры подобного содержания, куда оставалось лишь вписать нужные имена.

Систематическое покровительство монарха евреям не могло не раздражать некоторых церковных иерархов, рьяно стремившихся довести евреев до крещения – не принуждением, но унижением и умеренным притеснением, корона же обеспечивала им слишком вольготную жизнь. Архиепископ Лиона Агобард в 827 году в своем послании Людовику «О наглости евреев» сетовал, что евреи имеют право держать рабов-христиан и пользуются другими избыточными привилегиями, а император и его чиновники (посланцы) поддерживают евреев в их противостоянии христианам и лично Агобарду:

Евреи начали бушевать с отвратительной наглостью, угрожая нам всякого рода наказаниями со стороны посланцев [императора], которых они добились, чтобы мстить христианам. [...] мнение евреев получило такую поддержку, что они с наглостью стали проповедовать христианам и говорить им, чему должно верить, открыто хуля Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Это их упрямство подкреплялось словами твоих посланцев, которые нашептывали в уши некоторым людям, что евреи не мерзки, как многие думают, а дороги тебе, и потому что некоторые из них говорили, что их почитают выше христиан.

В изложении Агобарда, евреи бахвалятся тем, что их соплеменники находятся в фаворе при дворе, что императорские советники и дамы двора дарят им одежду и покупают у них вино, что им дозволяется возводить новые синагоги, – и в итоге «наивные христиане говорят, будто иудеи проповедуют им лучше, чем наши священники».

Агобард ничего не добился – средневековые евреи из поколения в поколение продолжали получать от светских и церковных князей, королей и императоров похожие жалованные грамоты, очевидно противоречившие каноническим требованиям в целом ряде вопросов: о покупке у евреев мяса и вина, о содержании ими слуг-христиан и о порядке перехода евреев в христианство. Так, например, привилегия германского императора Генриха IV евреям города Шпейера в 1090 году гласила:

Никто да не осмелится крестить их сыновей и дочерей против их воли, а если он крестит их после того, как они были насильно схвачены или захвачены тайно или обманным путем, он должен заплатить двенадцать фунтов золотом либо в королевскую, либо в епископскую сокровищницу. Если же, однако, кто-либо из них добровольно возжелает креститься, их надо выдержать в течение трех дней, чтобы полностью удостовериться в том, что они оставляют свой закон ради христианской веры, а не из-за какого-то вреда, им причиненного; и оставляя закон своих отцов, они должны отказаться от своего имущества.

Никто не должен забирать у евреев их рабов-язычников под предлогом христианской веры и крестить их; а если поступит так, уплатит баннум в размере трех фунтов серебра, по принуждению суда, а кроме того, возвратит раба его хозяину; раб же должен будет подчиняться распоряжениям своего хозяина во всем, за исключением соблюдения законов христианской веры, к чьим таинствам он приобщился. Им следует позволять нанимать христиан на работы за исключением праздников и воскресений; им не следует позволять покупать раба-христианина.

Некоторые грамоты были чуть ли не точными копиями более ранних, иные существенно отличались, но в целом наблюдается содержательная преемственность между ними: от каролингских привилегий к привилеям великих князей литовских – через всю Европу и сквозь все Средневековье.

Император Генрих IV.
Фрагмент миниатюры из Евангелия св. Эммерама. 1105/1106

Но при всем этом континуитете в XII веке в королевском законодательстве о евреях произошло одно важное изменение: иудеи «под нашей защитой», как было в каролингских грамотах и даже в грамотах XI века, в документах следующего столетия превращаются в «наших иудеев», то есть как бы принадлежащих короне. Подобные формулировки, встречающиеся в королевских грамотах и законах разных европейских государств: «иудеи суть мои», «иудеи принадлежат нашему дворцу», «иудеи как будто наши собственные крепостные» и проч., – отражают сложившуюся в высокое Средневековье правовую доктрину еврейского рабства (*servitus Iudaeorum*). На самом деле, было несколько учений о еврейском рабстве: собственно еврейское представление о том, что после разрушения второго иерусалимского храма и Иерусалима, потери остатков государственности и рассеяния, евреи находятся в изгнании и рабстве – у других государств и народов; церковная доктрина, излагаемая многими отцами церкви и папами, рассматривавшими диаспору как божественное наказание для евреев, а их самих – как находящихся в вечном рабстве у нового «избранного народа» – христиан и их церкви. Королевская доктрина «еврейского рабства» возникла в противовес папской и указывала на то, что евреи – рабы дворца, а не курии. Правоведы германской империи для этих целей актуализировали легенду о продаже евреев в рабство Титом Веспасианом Флавием, поместив ее в крупнейшие правовые сборники – Саксонское и Швабское зеркала. Они позаимствовали ее из знаменитой агиографической антологии «Золотая легенда», собранной Иаковом Ворагинским, где этот сюжет возводится к Иосифу Флавию:

...Тит захватил Иерусалим и обратил город в руины. Он до основания разрушил храм и в наказание за то, что иудеи купили Христа за тридцать денариев, продал тридцать иудеев, каждого за денарий. Как рассказывает Иосиф, 97 тысяч человек были проданы в рабство...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.